

УДК 930.85930.85

DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-4-787-797

**Таинства исповеди и причастия в «инородческих» приходах
Тобольского Севера (XVIII – начало XX вв.)**

О. П. Цысь

*Нижевартовский государственный университет,
г. Нижневартовск, Российская Федерация,
tsyso@rambler.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье отмечено, что в распространении православия среди коренного населения Северо-Западной Сибири особую роль играла христианская обрядность, среди которой выделены исповедь и причастие. Изучение влияния этих таинств на новокрещенных позволяет лучше понять методы христианизации края, особенности взаимоотношений православного духовенства и «инородческой» паствы, характер взаимодействия представителей двух различных культур: пришлой и автохтонной.

Цель: выявить региональную специфику организации и проведения таинств исповеди и причастия в «инородческих» приходах Северо-Западной Сибири в синодальный период, формы и результаты воздействия православной обрядности на коренное население.

Материалы исследования: выборки исповедных и клировых ведомостей приходов Берёзовского и Сургутского округов, переписка, рапорты, отчёты настоятелей, благочинных об участии коренных жителей в таинствах исповеди и причастия.

Результаты и научная новизна. Проведённое исследование показало, что своевременное выполнение «инородцами» православной обрядности требовало от приходского духовенства значительных усилий и являлось постоянной заботой епархиального руководства. Большинство новокрещённых в целом лояльно относилось к исповедованию и причащению, которые также являлись одним из инструментов контроля за религиозной жизнью коренного населения. Наряду с другими элементами христианства исповедь и причастие способствовали проникновению в его среду отдельных элементов русской бытовой культуры и формированию религиозного синкретизма.

В научной литературе исследования, посвящённые их влиянию на новокрещённых Тобольского Севера, не проводились.

Ключевые слова: Тобольский Север, таинства исповеди и причастия, «инородцы», новокрещённые, христианская обрядность, духовенство, Тобольская епархия.

Для цитирования: Цысь О. П. Таинство исповеди и причастия в «инородческих» приходах Тобольского Севера (XVIII – начало XX вв.) // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 787–797.

**Sacraments of confession and communion in the «foreign» parishes
of the Tobolsk North (XVIII – early XX centuries)**

O. P. Tsys

*Nizhnevartovsk State University,
Nizhnevartovsk, Russian Federation,
tsyso@rambler.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article notes that in the spread of Orthodoxy among the indigenous population of North-West Siberia, Christian rituals played a special role, among which confession and communion are distinguished. The study of the influence of these sacraments on newly baptized allows to better understand the methods of Christianization of the region, peculiarities of relations of the Orthodox clergy and the «foreign» congregation, the nature of interaction of representatives of two different cultures: arrived and autochthonous.

Objective: to identify the regional specifics of organization and conduction of the sacraments of confession and communion in the «foreign» parishes of North-West Siberia during the synodic period, forms and results of influence of Orthodox rituals on the indigenous population.

Research materials: a sample of confession and clerical records of the parishes of Beryozovsky and Surgutsky Districts, correspondence, reports of abbots, deans about the participation of indigenous people in the sacraments of confession and communion.

Results and novelty of the research: the study showed that the timely fulfillment of Orthodox rituals by the «foreigners» required considerable efforts from the parish clergy and was a constant concern of the diocesan leadership. The majority of the newly baptized were generally loyal to confession and communion, which were also one of the instruments of control over the religious life of the indigenous population. Along with other elements of Christianity, confession and communion contributed to the penetration of certain elements of Russian everyday culture into its environment and the formation of religious syncretism.

In the scientific literature, no research has been conducted on their impact on the newly baptized people of the Tobolsk North.

Key words: Tobolsk North, sacraments of confession and communion, «foreigners», newly baptized, Christian rituals, clergy, Tobolsk diocese.

For citation: Tsys O. P. Sacraments of confession and communion in the «foreign» parishes of the Tobolsk North (XVIII – early of the XX centuries) // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (4): 787–797.

Введение

Принятие народами севера Западной Сибири христианства оказало огромное влияние на различные стороны их духовной культуры, способствовало изменению антропонимической системы, утверждению новых социальных практик. Каналы воздействия на коренное население были весьма разнообразны и могли являться как прямыми (через обрядность, проповедь), так и опосредованными (через общественную и хозяйственную деятельность священно- и церковнослужителей) [17].

Важнейшим инструментом внедрения в сознание обских угров и самодийцев христианского мироощущения следует признать таинства исповеди и причастия. Совершению обрядов предшествовало говение – пост, посещение богослужений, молитвы. Тем самым верующий настраивался на особый возвышенный лад. Согласно учению православной церкви, исповедь и причастие – способ примирить себя с Богом через раскаяние в собственных грехах и приобщение Святых Таин. Именно через покаяние священнику было легче понять степень укоренения новокрещённого в христианской вере.

Но это были не только религиозные обряды. В синодальный период им придавалось значение актов политической лояльности. Согласно законодательству, все православные Российской империи должны были один раз в год «исповедоваться и приобщаться Св. Таин... в пост или в иное время» [15, 7]. Приходские священники о всех бывших и отсутствовавших у исповеди обязывались доставлять в консисторию исповедные росписи [12, 223]. О тех, кто два или три года не исполнял «великих христианских обязанностей» настоятель «сообщал епархиальному архиерею особенно»¹.

Как и все подданные империи обращённые в православие обские угры и самодийцы должны были хотя бы раз в год посещать храм для исповеди и причастия.

В научной литературе сложилось устойчивое представление о том, что христианизация коренных народов Севера носила внешний характер. Новокрещённые, усвоив отдельные христианские догмы и ритуалы, оставались по сути «идолопоклонниками» [8; 9; 19], либо наблюдался синкретизм язычества и православия [7; 10]. Данное заключение следует верифицировать, обращаясь к источникам, характеризующим такую важную сторону христианской обрядности, как исповедь и причастие.

Церковное покаяние на материалах Русского Севера исследовано Н. В. Алексеевой [1; 2]. Автор утверждает, что подготовка крестьян к исповеди в XVIII–XIX вв. представляла собой многоэтапную процедуру, основанную как на канонической традиции, так и на рождённых народным благочестием обычаях [1, 121]. М. В. Пулькиным анализируется законодательная база организации исповедного учёта, делается вывод о возможности фальсификации причтами данных исповедной отчётности [13]. В зарубежной историографии данная проблематика не нашла достаточного отражения. Преимущественное внимание уделяется взаимоотношениям Русской православной церкви и различных социальных и этнических групп в контексте имперской политики на окраинах страны [20; 21; 22; 23; 24].

Вопрос о «явке на исповедь» прихожан «инородческих» приходов севера Западной Сибири изучался лишь в работе П. В. Белоуса, посвящённой Тобольской епархии в годы Первой мировой войны [3].

¹ Государственный архив Томской области (ГАТомО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 3170. Л. 141.

Материалы и методы

Основой для работы послужили материалы фондов Тобольской духовной консистории (Ф. И-156), благочиний и отдельных храмов Тобольского Севера, сосредоточенные в ГУТО ГА в г. Тобольске, а также фонде Св. Синода (Ф. 796) РГИА: переписка, рапорты, отчёты настоятелей, благочинных и епархиальных архиереев, исповедные росписи и клировые ведомости некоторых приходов, реестры об уклоняющихся от исповеди и причастия, ведомости окружного полицейского управления «о понуждении нерадивых к исполнению христианского долга».

Используются как общенаучные, так и традиционные для любого исторического исследования методы: анализа, обобщения, сопоставительной типологии, рассмотрения вопросов в проблемно-хронологическом плане.

Результаты

Вопрос о необходимости участия новокрещённых в богослужениях и таинствах возник вскоре после строительства православных церквей и организации приходов в 1720-х – 1730-х гг., о чём свидетельствуют составленные епархиальным руководством документы.

В 1747 г. Тобольская духовная консистория предписала «велеть... всех волостей новокрещённых остяков чтоб оные в праздничные и воскресные дни к церквям своим для слушания Божественного пения, а особливо в святую великую четырёхдесятницу для исповеди и святого причастия неленностно приходили понуждать неослабно, а кто в том весьма ослушным окажется, таковых велеть наказывать по важности вины»².

В инструкции митрополита Тобольского и Сибирского Павла (Конюскевича) 1763 г. требовалось посещать принявших крещение остяков и вогулов, читать им поучения, молитвы, «окроплять избы», если «инородцы» ранее не исповедовались и не причащались, «кто сказать им пост, воздержание плотское и омытие плоти их, и измену чистых одежд... в подобающее время учинить им исповедь святую, по исповеди же прочесть утреню, часы и все правило по чину церковному ко причащению и потом достойных сподобить божественных тайн» [5, 65].

В 1793 г. архиепископ Варлаам (Петров) требовал от заказчиков и приходских священников, чтобы они при посещении новокрещённых «не минуемо старались склонять и увещевать, чтоб они говели чрез неделю в свободное время, хотя и кроме святых постов непременно приезжали к приходским церквям для говения и причастия святых тайн» [14, 53]. Подобного рода предписания неоднократно повторялись, а сведения о знакомстве с их содержанием сохранились в отчётах священнослужителей.

С середины XIX в. вводятся послабления для новокрещённых. Было установлено, что прихожане могут причащаться по месту жительства, если их селение располагается на расстоянии более 100 вёрст от церкви. В остальных случаях им следовало прибывать в храм. Исключения допускались в годы «бескормицы», падежа тяглогового скота³.

Характерное в целом для российского общества время всеобщего покаяния в Великий пост для коренных народов севера Сибири не всегда было удобным в силу природных явлений (образующийся весной ледяной наст мешал передвижению) и занятости на промыслах. Поэтому для исполнения христианского долга предпочтение отдавалось периодам затишья между различными видами хозяйственной деятельности: в день святого Николая Мирликийского (Никола зимний, 6 декабря), после Рождества, в Петров пост. Так, в рапорте священника Ваховской церкви за первую половину 1889 г. сообщалось: «Прихожане крестьяне села исполняли христианский долг исповеди и святого причастия в Великий пост на четвертой и последней седмицах; а прихожане инородцы, живущие в юртах по отдельности от храма, исполняли долг христианский в январе месяце в первых числах, оканчивая оный 8 числом января месяца и в июне месяце в последних числах...»⁴.

Забота о привлечении хантов к исполнению христианских таинств ложилась целиком на духовенство. Отправляясь к прихожанам, клирики совершали в каждом селении богослужение: утреню, часы, молебны, затем обходили жилища с крестом, пением тропарей и кондаков тем святым, которые изображены на находящихся в юртах иконах, убеждая, «что никто не должен от неё [исповеди] отказываться потому, что не

² См.: ГА. Ф. И-156. Оп. 26. Д. 707. Л. 17 об.

³ ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 66.

⁴ ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 102.

исповеданный христианин не может иметь ча- сти со Христом» [11, 66].

Обязательными условиями подготовки к та- инству было соблюдение строгого поста, но, как свидетельствует в путевом журнале 1866 г. епископ Варлаам (Успенский), остяки – это «дети только природы, общественной жизни не знающие и действующие машинально», и они не могут и одной недели провести в посте и воздержании⁵. Поэтому вынужденной мерой становятся различные отступления от приня- тых в православии правил: отказ «от винопития и вкушения всякой скоромной пищи» и общая молитва объявлялись «хотя бы на три дня»⁶. Священникам нередко приходилось задержи- ваться в юртах, чтобы проследить, как выпол- нялось это минимальное требование⁷.

Ещё одна особенность Тобольского Севера состояла в том, что в отношении коренного на- селения со времён «Просвещённого абсолютиз- ма» постепенно смягчаются меры наказания за нарушение религиозных норм. Как отмечалось в «Уложении о наказаниях», «воспрещено под- вергать инородцев каким-либо взысканиям, если они окажутся по невежеству в упущении церковных обрядов...»⁸. Хотя исполнять таин- ства следовало ежегодно, в действительности же «нерадивыми» прихожанами считались те, кто не был у исповеди более трёх лет подряд. На пропуск в один – два года смотрели сквозь пальцы, считая, что у новокрещённых в течение указанных сроков могут быть для этого уважи- тельные причины.

Как известно, исповедь предполагает об- щение священника и прихожанина наедине. Большинство духовенства Тобольского Севера являлись русскими, а паства относилась преи- мущественно к обским уграм. Как в таком слу- чае преодолевался языковой барьер?

Первый способ – изучение языков коренного населения. Миссионерское служение возможно по примерам, которые утвердили в христиан- стве святые Кирилл и Мефодий, когда доступ- ность Слова Божия язычникам достигалась че- рез проповедование на их родных языках.

На протяжении двух столетий умением го- ворить по «остяцки» и «вогульски» отлича- лись прежде всего те, кто принадлежал к мест-

ным священническим династиям (Вергуновы, Тверитины, Кайдаловы, Бешкильцевы, Поповы и др.). Клирики, переведённые с юга Тобольской и центральных российских епархий таким на- выком чаще всего, не владели.

В 1872 г. берёзовский благочинный на запрос епархиального архиерея о знании священника- ми «инородческих» языков писал: «Самоедские наречия одни [священники] мало знают, а дру- гие вовсе не знают, потому что прихожане их большей частью остяки... остяцкое же наречие большая часть причтов понимают вполне и сами говорят свободно... Исповедуют же причты инородцев как опытно известно ему самому на их разговорном языке, применяясь к разумению и понятиям их» [14, 253].

Многие пастыри исповедовали прихожан на русском. Этот вариант подходил для части ко- ренного населения, постоянно контактировав- шей с жителями Берёзова, Сургута, Самарово, Обдорска. Ещё в 1727 г. леушинский священ- ник Иван Пыхов доносил: «По приезду сво- ему из Тобольска изповедывал многих, но за незнанием их языка не всех»⁹. В рапорте от 14 декабря 1871 г. берёзовский протоиерей И.М. Заборовский констатировал, что «подго- родные остяки знают русский разговор и при этом не встречается с ними крайних затрудне- ний» [14, 252].

Ещё один вариант – исповедовать через пе- реводчика. Как отмечалось в рапорте священ- ника градо-Берёзовской церкви К. Киановского от 2 февраля 1887 г., «неудобство встречается при совершении таинства покаяния, так как я свободно передать всю исповедь на инород- ческом языке не могу..., поэтому... доводится прибегать к толмачу. Мужчины охотнее идут на исповедь, чем женщины, которые по сво- ей грубости и дикости стесняются... Другое неудобство..., что есть такие малочисленные юрты, где... очень тесно. Выйти в зимнее вре- мя остальным членам семейства из юрты, пока исповедался бы один, невозможно, по причине холода и в таком затруднительном положении приходится или совсем не исповедовать, или же вопреки уставу Церкви исповедовать в полови- ну голоса через толмача в присутствии трёх-че- тырёх свидетелей»¹⁰.

⁵ ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 102.

⁶ ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 102 об.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 554. Л. 31 об.

⁸ ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 107 об.

⁹ ГА. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

¹⁰ ГА. Ф. И-708. Оп. 1. Д. 7. Л. 112 об.

Такой способ общения пастырей с мирянами не устраивал епархиальное начальство. Предпринимались попытки внедрить составление шаблонных текстов на языках коренных жителей. Между 1817 и 1823 гг. протоиереем П. Фелициным были составлены «Предначинательные молитвы и исповедь» на остяцком языке [16, 93]. В начале 1870-х гг. юганский священник И. Тверитин подготовил «образец исповеди» на юганском наречии хантыйского языка. Тобольский архиепископ Варлаам (Успенский) распорядился на основе этого перевода «дать всем священникам Берёзовского края надлежащий и совершенно точный образец для исповеди остяков» [14, 251]. Но так как ханты говорили на сильно отличающихся друг от друга диалектах, образец исповеди для юганских остяков оказался бесполезным для причтов Берёзовского округа. Вследствие этого было решено ограничиться рассылкой копий с текста И. Тверитина по приходам Сургутского округа [14, 252–254].

Подобная практика не нашла широкого распространения. Перевод любых священных текстов всегда сопровождался длительными согласованиями. Обычно подобные начинания тонули в лабиринтах российской бюрократии, не доходя до логического завершения.

Размывание сословной замкнутости духовенства Тобольского Севера в конце XIX – начале XX вв., связанное, в том числе, с притоком священнических кадров с юга Западной Сибири и Европейской России обострило проблему. Уже в 1898 г. епископ Антоний вынужден был констатировать: «Чтобы дело священников приносило пользу им необходимо знать язык инородцев, что, к сожалению, встречается редко... многие из священников низового края смотрят на свои приходы как на временные, переходные станции к получению приходов с русским населением, почему и не стараются изучить язык инородцев»¹¹.

Как уже отмечалось, сведения об исповедовавшихся и причастившихся фиксировались. Однако статистические данные по рассматриваемому нами вопросу ограничены отдельными периодами, т. к. исповедные росписи сохранились фрагментарно.

Интерес представляют данные приходской общины Сосьвинской церкви Берёзовского уезда в силу их полноты и разносторонности. Анализ этих сведений показывает, что на протяжении продолжительного времени не исполняли свой христианский долг лишь 8,7 % новокрещённых. В течение текущего года не исповедались и не причащались 52,5 % «инородческого» населения¹². По отдельным селениям ситуация выглядит следующим образом (см.: табл. 1).

Таблица 1

Численность жителей селений сосьвинского Христорожественского прихода, не бывших у исповеди и причастия (фрагмент)¹³

Юрты	Расстояние от приходского центра (верст)	Численность жителей в 1898 г.		Численность жителей в 1900 г.		Не было у исповеди и причастия более 3 лет		Не было у исповеди и причастия в текущем году	
		м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Ханланские	355	25	19	23	18	2	2	18	13
Оурбинские	285	72	62	65	53	9	5	57	44
Вогульские	280	17	24	14	25	4	4	9	18
Сородейские	270	23	15	26	15	3	-	19	8
Югримские	95	12	11	13	11	-	-	4	5
Шоминские	70	14	23	14	23	-	3	7	15
Кугинские	40	20	17	19	17	-	-	6	7
Тоболдинские	35	39	42	39	43	-	3	17	25

¹¹ ГА. Ф. И-191. Оп. 1, Д. 22. Л. 138 об.

¹² Подсчитано по: ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 48. Л. 55 об, 58 об; Ф. И-171. Оп. 1. Д. 3. Л. 28–28 об, 36–41 об.

¹³ Составлено по: ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 48. Л. 55 об, 58 об; Ф. И-171. Оп. 1. Д. 3. Л. 28–28 об, 36–41 об.

Таким образом, большинство православных Сосьвинского прихода, даже самых отдалённых селений, хотя бы раз в несколько лет исповедовались. Но делать это регулярно они не могли.

Для сравнения можно привести данные за

тот же период по Сухоруковской церкви (см.: табл. 2). В отличие от Сосьвинского (почти исключительно «инородческого»), этот приход являлся смешанным. Более половины его жителей составляли русские крестьяне.

Таблица 2

Количество прихожан сухоруковской Духосошестввенской церкви, не исполнивших таинство исповеди и причастия в течение 3-х лет (на 1900 г.)¹⁴

Жители прихода (пол, национальность)	Прихожан в приходе	Из них исповедовались и причащались	Не исповедовались	
			«по отлучкам» и др. уважительным причинам (напр., военная служба, учёба)	«по упущению, нерадению»
м. русские	390	369	2	19
ж. русские	375	359	6	10
м. инородцы	233	177	-	56
ж. инородцы	205	147	-	58
Всего	623	580	8	143

Как видно, новокрещённых, пропускавших более трёх лет исповедь и причастие, насчитывалось около 15 %, русских – 2,5 %.

Динамику изменений интересующего нас

показателя можно проследить по материалам ваховской Богоявленской церкви, сохранившимся за несколько лет подряд (см.: табл. 3).

Таблица 3

Количество прихожан ваховской Богоявленской церкви, бывших на исповеди (1896-1904 гг.)¹⁵

Год	Всего прихожан	Были на исповеди	Не исповедовались		
			«по малолетству»	«По отлучкам» и др. препятствиям	«По упущению»
1896	1035	161 (15,5 %)	205	2	667
1897	1048	141 (13,4 %)	236	2	671
1898	1065	139 (13,1 %)	212	7	707
1899	1095	195 (17,8 %)	224	7	669
1900	1121	401 (35,7 %)	266	7	447
1901	1216	781 (64,2 %)	198	52	185
1902	1210	297 (24,5 %)	309	1	603
1903	1256	269 (21,4 %)	328	7	652
1904	1264	292 (23,1 %)	263	10	617

¹⁴ ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 318. Л. 376 об–377; Ф. И-171. Оп. 1. Д. 3. Л. 9 об–11.

¹⁵ Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. И-1. Оп. 7. Д. 6. Л. 1–23, 47, 70, 87, 97–117, 129–154, 170–189, 201–221, 236–260; ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 155. Л. 51 об.

В этой таблице обращает на себя внимание резкий скачок анализируемого показателя в 1901 году. Вероятно, он был вызван сменой священника. Новый настоятель А. П. Волков должен был посетить селения вверенного его попечению прихода и попутно совершить необходимые таинства, включая исповедь и причастие. В те же годы происходит увеличение численности русских переселенцев на территории Ваховского прихода (с 7,7% в 1896 г. до 16,6% в 1904 г.)¹⁶. Данный фактор мог также способствовать постепенному росту числа исповедовавшихся. Примечательно, что среди тех, кто не причащался, до трети составляли маленькие дети.

Отсутствие значительной части прихожан на исповеди и причастии не являлось исключительно спецификой Тобольского Севера. Статистические показатели можно сравнить с данными по соседней Томской епархии. В 1904 г. в Нарымском крае не исполнили свой христианский долг из 18552 православных – 10864 (58,5%), в том числе «по нерадению» – 7104 (38,3%)¹⁷. В Кузнецком уезде из 45261 прихожан «исполнили христианский долг» 12366 чел. (27,3%), а в 1905 г. – 13499 чел. (29,8%)¹⁸. В Змеиногорском и Барнаульском уездах исповедовались и причастились 31139 чел. (56,9%), не исповедовались более трёх лет – 3282 чел. (6%)¹⁹.

Выявляются следующие особенности: не приезжали к причастию в храм вдовы с малолетними детьми, среди «небытейщиков» регулярно встречается одна и та же семья, причём иногда в полном составе. Среди исповеданных, но не причащавшихся наибольший процент составляли женщины и дети до 7 лет в удалённых от церкви юртах.

«Упущения» происходили из-за занятости прихожан на промыслах, отдалённости их селений от приходских центров, бедности (следовательно, невозможности выделить время и средства для поездки в церковь), а также потому, что многие из «иногородцев» не придавали особого значения христианским таинствам. Для того чтобы разрушить устоявшиеся веками

культурно-психологические стереотипы требовалось время, труд и лучшая профессиональная подготовка священнослужителей.

Влияло ли исповедование на повседневные практики обских угров, позволяло ли оно преодолевать им языческие «суеверия»? Ответы на данные вопросы не могут быть однозначными. Обнаружить подлинные изменения в сознании коренного населения трудно, т. к. священники в своих рапортах и отчётах ограничивались, как правило, формальными показателями. Тем не менее, полученные во время исповеди сведения могли положить начало длительному расследованию, материалы которого дают нам возможность судить о механизмах и результатах воздействия настоятелей на паству.

В 1746–1747 гг. велось следствие по делу об остяках, «которые де по древнему своему суеверию явно волхвуют». Во время допросов выяснилось, что остяк «Тогорма слепой», в крещении Никон, на исповеди сознался священнику Г. Кайдалову в «ворожбе», «которой ему о тяжести того греха довольно сказывал», но затем являлся к нему дьявол и спрашивал – почему ты оставил ворожбу, и Никон сказал, что он «с дьяволом дружбы иметь не хочет»²⁰. Остяк Илья Сыгрянин (30 лет) «отстал от ворожбы» вследствие увещевания на исповеди священника как «года четыре назад»²¹. Остяк Герасим Крымов «от ворожбы отстал по исповеди года с три»²². Орtilко (Григорию) Ляксину явилась птица, которая потребовала от него, «чтобы он начал ворожить иначе раздерёт горло». На исповеди об этом было сообщено священнику Я. Кайдалову, который «приказывал ему Григорью чтоб он молился Господу Богу об избавлении от такого дьявольского налога, и сам обещал за него молиться... И тому год назад и когда по приказу священника он в пост великий приуговлялся к исповеди и приобщения божественных тайн за два дня до исповеди птица нечаянно из утробы ево выпорхнула» и больше не возвращалась²³.

Сходным образом были выявлены и пресечены проявления язычества в Нижне-Лумпокольском приходе в 1810 г. Узнав о том, что новокрещённые пожертвовали приклады к

¹⁶ Подсчитано по: ГАЮ. Ф. И-1. Оп. 7. Д. 6. Л. 1–23, 47, 70, 87, 97–117, 129–154, 170–189, 201–221, 236–260; ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 155. Л. 51 об.

¹⁷ ГАТомО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3236. Л. 8, 9 об.

¹⁸ ГАТомО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3170. Л. 105.

¹⁹ ГАТомО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3170. Л. 8 об.

²⁰ ГА. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 58–59.

²¹ ГА. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 59 об.

²² ГА. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 60.

²³ ГА. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 70–71 об.

священному дереву, т. к. в противном случае их якобы поразит «небесный огонь», настоятель сумел привести к раскаянию своих прихожан и взять с них обещание такого рода действий не повторять.

В повседневной практике причудливо проявлялись элементы религиозного синкретизма, сочетавшие новые христианские и дохристианские традиции. Так, в ходе расследования дела 1854–1857 гг. о совершении кондинскими вогулами языческих жертвоприношений священник и дьячок Нахрачинской церкви сообщали, что некоторые прихожане приносят в жертву «теляца», после чего «пьют кровь източенную из заколотых животных, будто бы приняли Св. тайны, ниспосланные с небес...», причём наносят себе кровью на лбу знак в виде креста. В показаниях отмечалось, что те же люди регулярно исповедовались и причащались в церкви²⁴.

Подробные свидетельства о языческих ритуальных практиках, приводившиеся также в публицистике XIX – начала XX вв., указывают на силу сохранения веры предков. Нельзя не заметить выработку у новокрещённых терпимости к православной обрядности. Как бы ни относились они к действиям православного духовенства, и тем, и другим приходилось приспособливаться друг к другу, вырабатывать идеологию терпимости, своего рода мирного сосуществования.

С помощью христианской обрядности внедрялись отдельные элементы русской бытовой культуры. Так, в отчёте Обдорской миссии за 1857 г. сообщалось: «Нельзя не заметить здесь о послушности остяков полезным советам. Услышав, что, не обмывшись в бане, нельзя приступить ко св. причастию, остяки тотчас начали топить находившиеся здесь две бани, и почти все без изъятия вымылись от грязи, никогда не смываемой» [4, 158].

Необходимость создания условий для выполнения христианской обрядности способствовала расширению сети приходских церквей на Тобольском Севере. Мнения о положительном влиянии на коренное население храмового строительства придерживался известный исследователь края А. И. Якобий, указывавший на часовни как своеобразные места встреч прихожан со священниками во время разъездов последних. В качестве примера он приводил часовню, располагавшуюся в районе юрт Большого Атлыма: «Я был в ней великим постом, когда

говельщики и постники инородцы, после исповеди, приготавливались к будущему дню, к акту св. причащения. Приходской священник села Малого Атлыма о. Николай переехал для этого дела миссии из своего села в дом одного из инородцев: я видел его довольно уже поздно вечером в часовне окружённого инородцами при слабом освещении восковых свечей пред иконостасом, и конечно это было лучшее из всего, что мне привелось видеть в Березовском крае в течении семи месяцев» [19, 16].

Обсуждение и заключение

Подводя итог, можно выделить следующие моменты, характеризующие историю становления института покаяния у народов севера Западной Сибири. Практически сразу же после массовой христианизации он становится обязательным для всех новокрещённых. Исповеди и причастию, которые могли проводиться в храме или по месту жительства прихожан, обязательно предшествовали, как правило, трёхдневный пост, а также участие в литургии. Во время проведения таинств использовались и родной, и русский языки.

Необходимость своевременного исповедования и причащения «инородческой» паствы являлась постоянной заботой священнослужителей, поглощавшей значительную часть времени и сил, заставлявшей отправляться за десятки и сотни вёрст от приходского центра. Сам же институт исповеди использовался как инструмент контроля за религиозно-нравственным состоянием прихожан. Стремление «инородцев» уклониться от исповеди или надолго отсрочить её требовало просветительских усилий духовенства. Практика исповедования и причащения способствовала восприятию отдельных элементов русской бытовой культуры, а также формированию религиозного синкретизма.

Регулярное, ежегодное исполнение таинств практиковала очень незначительная часть новокрещённых. Следует отметить, что обские угры и самодийцы в целом вполне лояльно относились к церковной обрядности, не выражали недовольства и тем более не оказывали ей противодействия. Политика церковных и светских властей в данном вопросе эволюционировала от принуждения к добровольности, от формального к осознанному восприятию православной обрядности коренным населением.

²⁴ГА. Ф. И- 378. Оп. 1. Д. 99. Л. 142–146.

Список источников и литературы

1. Алексеева Н. В. Исполнение таинства исповеди в крестьянской среде Европейского Севера России в XVIII–XIX вв.: побудительные причины, нормы поведения, обряды и ритуалы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 3. С. 120–128.
2. Алексеева Н. В. Установление государственного контроля за «явкой на исповедь» в русской православной церкви в XVIII веке (На материалах Европейского Севера России) // Милютинские чтения: И. А. Милютин и социокультурный мир русской провинции: от прошлого к будущему. Сб. научных работ. 2013. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2013. С. 114–123.
3. Белоус П. В. Тобольская епархия в годы Первой мировой войны (1914–1918). Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2018. 288 с.
4. «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия 30-е–80-е гг. XIX в.): Источники / сост., вступ. ст. и коммент. В. Я. Темплинга. Тюмень: Мандр. и К., 2003. 328 с.
5. Канарский Ф. Инструкция, данная в 1763 году 1 мая митрополитом Тобольским и Сибирским Павлом протопопу Петру Смольникову, заказщику демьянскому, и протопопу Афанасию Туесову, нарымскому // Тобольские епархиальные ведомости. 1893. № 3-4. Отдел офиц. С. 65–69.
6. Козлов З. Описание прихода села Мужей, Березовского уезда, Тобольской епархии // Тобольское церковное древлехранилище. Тобольск: изд. Тобол. Епарх. Братства св. вмч. Дмитрия Солунского, 1903. С. 1–12.
7. Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2001. 264 с.
8. Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского севера в XVIII в. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отделение, 1941. 148 с.
9. Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: Этничность и власть: дисс. ... д. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 638 с.
10. Побережников И. В. Север Западной Сибири в контексте Российской модернизации XIX – начала XX века // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2013. Вып. 3 (23). С. 44–52.
11. Подорожник: краеведческий альманах / ред.-сост. В. К. Белобородов. Екатеринбург: Баско, 2007. 232 с.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1841 (или 1842). Т. XVI. Ч. 1. 924 с.
13. Пулькин М. В. Таинство покаяния в православных приходах Севера России (XVIII – начало XX в.) // Studia Humanitatis. 2019. № 3 URL: <http://st-hum.ru/content/pulkin-mv-tainstvo-pokayaniya-v-pravoslavnyh-prihodah-severa-rossii-xviii-nachalo-hh-v> (дата обращения: 28.08.2020).
14. Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX вв.: источники / сост., авт. предисл. и коммент. В. Я. Темплинг. Тюмень: Мандр и К. 2006. Вып. 7. 376 с.
15. Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи, издания 1857 года. СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1857. Разд. I. Гл. 2. С. 1–100.
16. Фелицин П. Предначинательные молитвы и исповедь на остяцком языке // Тобольские епархиальные ведомости. 1891. № 5-6. Отдел неофиц. С. 93–96.
17. Цысь В. В., Цысь О. П. The Struggle of the Russian Orthodox Church and Secular Authorities against the Pagan “Remnants” of The Peoples of the Tobolsk North in the XVIII–XIX centuries // Былые годы. Российский исторический журнал. 2019. Т. 2. № 52. С. 533–541. DOI: 10.13187/bg.2019.2.533
18. Шемановский И. С. История Обдорской духовной миссии. 1854–1904 гг. // Избранные труды: В 2 т. М.: Советский спорт», 2011. Т. 2. С. 5–134.
19. Якобий А. И. О миссионерском стане в стране Надыма и о возможной постановке христианской миссии в странах русского инородческого Севера. [Тобольск]: Тип. Тобол. Епарх. Братства, 1895. 48 с.
20. Chulos C.J. Converging Words: Religion and Community in Peasant Russia, 1861–1917. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 201 p.
21. Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983. 507 p.
22. Friesen A. Building an orthodox empire: archpriest Ioann Vostorgov and Russian missionary aspirations // Canadian Slavonic Papers. 2015. Vol. 57. № 1-2. P. 56–75.
23. Znamenski A. A. Shamanism and Christianity on the Russian Siberian Borderland: Altaian Responses to Russian orthodox missionaries (1830–1917) // Itinerario. Leiden Centre for the History of European Expansion. 1998. Vol. 22. № 1. P. 107–130.

24. Vacaru C. Social behaviours and ritual practices in the context of religious pilgrimage: motivations, significations and historical landmarks // International multidisciplinary scientific conference on social sciences and Arts SGEM 2015. Sofia: STEF92 Technology Ltd Albena, 2015. Book 3. Vol. 1. pp. 123–130.

References

1. Alekseeva N. V. *Ispolnenie tainstva ispovedi v krest'ianskoi srede Evropeiskogo Severa Rossii v XVIII–XIX vv.: pobuditel'nye prichiny, normy povedeniia, obiady i ritualy* [Fulfillment of the sacrament of confession in the peasant environment of the European North of Russia in the XVIII–XX centuries: incentives, norms of behavior, ceremonies and rituals]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 2013, no. 4 (3), pp. 120–128. (In Russian)
2. Alekseeva N. V. *Ustanovlenie gosudarstvennogo kontroliia za «iavkoi na ispoved'» v russkoi pravoslavnoi tserkvi v 18 veke (Na materialakh Evropeiskogo Severa Rossii)* [Establishment of state control over the «turnout for confession» in the Russian Orthodox Church in the 18th century (Based on materials of the European North of Russia)]. *Milyutinskie chteniia: I. A. Miliutin i sotsiokul'turnyi mir russkoi provintsii: ot proshlogo k budushchemu. Sb. nauchnykh rabot* [Milyutin's Readings: I. A. Milyutin and the sociocultural world of the Russian province: from the past to the future. Collection of scientific works]. Cherepovets: Cherepoveckij gos. un-t Publ., 2013. pp. 114–123. (In Russian)
3. Belous P. V. *Tobol'skaia eparkhiia v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918)* [Tobolsk diocese during the First World War (1914–1918)]. Tyumen: Izd-vo Tiumen. gos. un-ta Publ., 2018. 288 p. (In Russian)
4. *«I zdes' poiavliaetsia zaria khristianstva...» (Obdorskaia missiia 30-e–80-e gg. 19 v.): Istochniki* [«And here the dawn of Christianity appears...» (Obdorsk mission, 30s–80s of the 19th century): Sources]. Comp. by V. Ya. Templing. Tyumen: Mandr. i K Publ., 2003. 328 p. (In Russian)
5. Kanarskiy F. *Instruktsiia, dannaiia v 1763 godu 1 maia mitropolitom Tobol'skim i Sibirskim Pavlom protopopu Petru Smol'nikovu, zakazchiku dem'ianskomu, i protopopu Afanasiuu Tuesovu, narymskomu* [Instruction given in May 1, 1763 by Metropolitan Pavel of Tobolsk and Siberia to Archpriest Peter Smolnikov, the customer of the Demyansk, and to Archpriest Athanasy Tuyesov of Narym]. *Tobol'skie eparhial'nye vedomosti* [Tobolsk Diocesan News], 1893, no. 3-4, pp. 65–69. (In Russian)
6. Kozlov Z. *Opisanie prikhoda sela Muzhei, Berezovskogo uezda, Tobol'skoi eparkhii* [Description of the parish of the village of Muzhi, Beryozovsky District, Tobolsk diocese]. *Tobol'skoe tserkovnoe drevlekhranilishche* [Tobolsk church old storage]. Tobolsk: izd. Tobol. Eparh. Bratstva sv. vmch. Dmitrija Solunskogo Publ., 1903. pp. 1–12. (In Russian)
7. Mavlyutova G. Sh. *Missionerskaia deiatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi tserkvi v Zapadnoi Sibiri (XIX – nachalo XX veka)* [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in Western Siberia (XIX – early XX centuries)]. Tyumen: Izd-vo Tiumen. gos. un-ta Publ., 2001. 264 p. (In Russian)
8. Ogryzko I. I. *Khristianizatsiia narodov Tobol'skogo severa v 18 v.* [Christianization of the peoples of the Tobolsk North in the 18th century]. Leningrad: Uchpedgiz, Leningr. otd-nie Publ., 1941. 148 p. (In Russian)
9. Perevalova E. V. *Obskie ugry i nentsy Zapadnoi Sibiri: Etnichnost' i vlast'* [The Ob Ugrians and the Nenets of Western Siberia: Ethnicity and power]. Yekaterinburg, 2017. 638 p. (In Russian)
10. Poberezhnikov I. V. *Sever Zapadnoi Sibiri v kontekste Rossiiskoi modernizatsii 19 – nachala 20 veka* [North of Western Siberia in the context of the Russian modernization of the 19 – early 20th centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia «Istoriia»* [Perm University Bulletin], 2013, no. 3 (23), pp. 44–52. (In Russian)
11. *Podorozhnik: kraevedcheskii al'manakh* [Plantain: almanac of local lore]. Comp. by V. K. Beloborodov. Yekaterinburg: Basko Publ., 2007. 232 p. (In Russian)
12. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie vtoroe* [Full collection of laws of the Russian Empire. Second collection]. Saint-Petersburg: Tip. II otd-niya subst. E. I. V. kanzelyarii Publ., 1841. Vol. XVI. P. 1. 924 p. (In Russian)
13. Pulkin M. V. *Tainstvo pokaiianiia v pravoslavnykh prihodakh Severa Rossii (18 – nachalo 20 v.)* [Sacrament of repentance in Orthodox parishes in the North of Russia (18th – early 20th century)]. *Studia Humanitatis* [Studia Humanitatis], 2019, no. 3. Available at: <http://st-hum.ru/content/pulkin-mv-tainstvo-pokayaniya-v-pravoslavnyh-prihodah-severa-rossii-xviii-nachalo-hh-v> (accessed: August 28, 2020). (In Russian)
14. *Surgutskii uezd v dokumental'nykh pamiatnikakh 18–19 vv.: istochniki* [Surgutsky District in documentary monuments of the 18–19th centuries: sources]. Comp. by V. Ya. Templing. Tyumen: Mandr i K Publ., 2006. Iss. 7. 376 p. (In Russian)

15. *Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestuplenii* [Charter on the prevention and suppression of crimes]. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii, izdaniia 1857 goda* [Code of laws of the Russian Empire, edition of 1857]. Saint-Petersburg: tip. II otd-niia sobs. ego imperatorskogo velichestva kantseliarii Publ., 1857. Section I. Chapter 2. pp. 1–100. (In Russian)

16. Felitsyn P. *Prednachinatel'nye molitvy i ispoved'na ostiatskom iazyke* [Initial prayers and confession in the Ostyak language]. *Tobol'skie eparhial'nye vedomosti* [Tobolsk Diocesan News], 1891, no. 5–6, pp. 93–96. (In Russian)

17. Tsys V. V., Tsys O. P. The Struggle of the Russian Orthodox Church and Secular Authorities against the Pagan “Remnants” of The Peoples of the Tobolsk North in the XVIII–XIX centuries. *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal* [Years of old. Russian historical journal], 2019, no. 2 (52), pp. 533–541. (In Russian)

18. Shemanovskiy I. S. *Istoriia Obdorskoï dukhovnoi missii. 1854–1904 gg.* [History of the Obdorsk Spiritual Mission. 1854–1904]. *Izbrannye trudy: V 2 t.* [Selected works: In 2 vol.]. Moscow: Sovetskii sport Publ., 2011. Vol. 2. pp. 5–134. (In Russian)

19. Yakobiy A. I. *O missionerskom stane v strane Nadyma i o vozmozhnoi postanovke khristianskoi missii v stranakh russkogo inorodcheskogo Severa* [About the missionary camp in Nadym and about possible Christian mission in the Russian North]. Tobolsk]: Tip. Tobol. Eparkh. Bratstva Publ., 1895. 48 p. (In Russian)

20. Chulos C. J. *Converging Words: Religion and Community in Peasant Russia, 1861–1917*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 201 p. (In English)

21. Freeze G. L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 507 p. (In English)

22. Friesen A. Building an orthodox empire: archpriest Ioann Vostorgov and Russian missionary aspirations. *Canadian Slavonic Papers*, 2015, no. 57 (1–2), pp. 56–75. (In English)

23. Znamenski A. A. Shamanism and Christianity on the Russian Siberian Borderland: Altaian Responses to Russian orthodox missionaries (1830–1917). *Itinerario. Leiden Centre for the History of European Expansion*, 1998, no. 22 (1), pp. 107–130. (In English)

24. Vacaru C. *Social behaviors and ritual practices in the context of religious pilgrimage: motivations, significations and historical landmarks*. International multidisciplinary scientific conference on social sciences and Arts SGEM 2015. Sofia: STEF92 Technology Ltd Albena, 2015. Book 3. Vol. 1. pp. 123–130. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цысь Ольга Петровна, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет» (628602, Российская Федерация, ХМАО-Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56), кандидат исторических наук.

tsyso@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-6351-8259

ABOUT THE AUTHOR

Tsys Olga Petrovna, Associate Professor, Department of Russian History, Nizhnevartovsk State University (628602, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Nizhnevartovsk, Lenina st., 56), Candidate of Historical Sciences.

tsyso@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-6351-8259